

ДВИЖЕНИЯ ПО ЗАЩИТЕ ЖИВОТНЫХ: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ПРАКТИКА

М.А. Боровик, Д.В. Михель

В статье обсуждается история социальных движений по защите животных с момента появления движений в XIX веке и до настоящего времени. Дается краткий обзор наиболее известных движений на Западе и в России. Показано, что в их эволюции существует особая логика. От борьбы за предотвращение жестокости к сельскохозяйственным животным активисты неизменно переходили к борьбе за уменьшение страданий диких животных и животных в лабораториях. Если ранние движения были консервативными по своим задачам, то современные нередко являются радикальными и ориентированными на прямое действие. Современный российский опыт защиты животных строится не только по модели советской природоохранной деятельности, но и на основе западных практик.

Ключевые слова: движения по защите животных, Англия, Европа, США, Россия, история, политика

В широком смысле под общественными движениями принято понимать разнообразные коллективные действия или объединения людей, внимание которых сосредоточено на разрешении конкретных проблем общества. В ходе XX века в социальных науках сложилась особая *междисциплинарная теория социального движения*, пытающаяся объяснить, как происходит социальная мобилизация индивидов, формы, которыми она себя манифестирует, а также потенциальные социальные, культурные и политические последствия ее. В первой половине XX века ведущие социальные теоретики феномена социальных движений делали акцент на выяснении психологических мотивов, побуждающих людей объединять свои силы и совершать коллективные действия. Считалось, что участниками социальных движений оказываются люди, которые не вполне интегрированы в общество, а их совместные действия выступают проявле-

нием эмоциональной реакции на ситуации, которые находятся вне их контроля. После Второй мировой войны эта теоретическая позиция постепенно сошла на нет, но еще в 1950-е и 1960-е годы некоторые социологи и политические философы иногда обращались к ней [Kornhauser, 1959; Smelser, 1963]. На смену психологическим обоснованиям теории социального движения пришли новые формы обоснований, среди которых особое значение со временем заняло *обоснование через тип конфликта*. Это позволило объяснить, что питало социальные движения прошлого и что может питать их в наши дни. Уже в начале 1970-х годов А. Турен утверждал, что главные социальные движения прошлого — рабочие движения — возникали, будучи вовлечены в классовый конфликт, то есть конфликт по поводу материальных ресурсов. По мысли Турена, такие движения осуществляли «материалистическую политику», и это принципиально отличает их от *новых социальных движений* — антивоенных, экологических, феминистских, движений за гражданские права, которые вовлечены в конфликты другого рода — политические и социальные — и при этом осуществляют «пост-материалистическую политику». Участники таких движений борются не столько за скудные ресурсы, сколько за признание своих идентичностей или за право на их преобразование [Touraine, 1971]. Если Турен соотносил «старые» и «новые» типы социальных движений с различными типами конфликтов и в конечном итоге с различными стадиями развития общества, то другие исследователи вскоре пришли к пониманию, что социальные движения, вовлеченные в конфликт за признание своих идентичностей, вовсе не являются эпифеноменом послевоенного времени. Их существование может быть обнаружено и в более ранних пластах истории. Ч. Тилли, несомненно, дал наиболее полную социально-историческую картину развития социальных движений за последние два с половиной столетия [Tilly, 2004]. Согласно Тилли, общественные движения — это ряд перформансов, демонстраций, кампаний, с помощью которых одни люди предъявляют коллективные требования к другим. Отличительная черта общественных движений — публичность, которая подчеркивается через особый стиль поведения, внешнего вида и атрибутов, стремление подчеркнуть тем или иным способом свою многочисленность, нарочитая, нередко показная жертвенность, что часто достигается присутствием среди участников движения стариков и инвалидов [Tilly, 2004. P. 4].

В данной статье предпринимается попытка дать обзор одной из разновидностей социальных движений — *движения по защите животных*. При постановке исследовательских вопросов авторы руководствовались некоторыми теоретическими выводами, которые были получены современными исследователями феномена социальных движений [Melucci, 1989; Tarrow, 1994; Jasper, 1997; Benford, Snow, 2000; Armstrong, Bernstein, 2008]. Специально рассматриваются три примера: развитие ранних форм

движений по защите животных, прежде всего в XIX и начале XX века, современные движения на Западе и современный российский случай.

Ранние движения по защите животных

Следуя авторитетному мнению Р. Райдера, необходимо признать, что вплоть до самого конца XVIII века все попытки защитить животных были спонтанными, и лишь на исходе эпохи Просвещения возникли первые организованные формы социального действия, направленные на защиту животных. Раньше всего они появились в Великобритании и были консервативными по своему характеру. Отправным моментом здесь можно считать 18 апреля 1800 года, когда преподобный Уильям Палтни, депутат от Шотландии, внес в Британский парламент *Билль против травли быков*. Попытки утвердить его в качестве закона продолжались все следующее десятилетие, вызвав сопротивление со стороны значительной части депутатов, поддерживающих сохранение старых традиций. Однако в ходе борьбы за принятие закона среди просвещенной части британского общества все более утверждалось мнение о необходимости положить конец *бессмысленной жестокости против животных*. В 1809 году Верхняя палата парламента, наконец, проголосовала за предложенный в очередной раз Билль, но он был отклонен Нижней палатой, депутаты которой твердо стояли за приверженность старым традициям «кровавого спорта», столь любимого простым народом. Успех был достигнут лишь в 1822 году, когда преподобный Ричард Мартин сумел провести через Палату общин закон, запрещающий жестокое обращение с животными. Особое внимание в нем уделялось травле быков, которая отныне запрещалась [Ryder, 2000. P. 77–84. См. также: Аст, 1822].

Принятие *Акта Ричарда Мартина 1822 года* повлекло за собой практическую работу по его исполнению. С этой целью в Лондоне в 1824 году было создано *Общество по предотвращению жестокости в отношении животных* (Society for the Prevention of Cruelty to Animals). У его истоков стояла группа из 22 человек, возглавляемая Ричардом Мартином. Члены Общества боролись с нарушениями закона, в результате уже к 1832 году за жестокое обращение с животными было привлечено к судебной ответственности более 180 человек. К 1841 году Общество содержало на свои средства пятерых инспекторов, выплачивая каждому из них по одной гинее в неделю, а годом позже подобные инспекции были организованы в других уголках страны. С деятельностью Общества было связано принятие в парламенте целой серии законодательных актов, направленных на предотвращение жестокого обращения с рогатым скотом. Так, в 1835 году на смену Акту Ричарда Мартина был принят *Акт против жестокого обращения с животными* (Cruelty to Animal Act), запрещающий

также петушинные и собачьи бои. Впоследствии этот закон также неоднократно улучшался [Monamy, 2000. P. 21].

Активная деятельность Общества понемногу рождала симпатию к нему со стороны британцев. Его популярность быстро возросла в 1840 году, когда молодая королева Виктория предоставила Обществу свое покровительство, и оно стало *Королевским обществом*. С наступлением *викторианской эпохи* подавляющее большинство представителей британского правящего класса восприняло идеологию защиты животных. В стране развернулись кампании против жестокости в отношении *животных, содержащихся на фермах*. Джентльмены стали горячо выступать против страданий рогатого скота и настаивали на улучшении методов его забоя. Они потребовали остановить вывоз на бельгийские скотобойни лошадей, которые из-за старости были «уволены» из британской кавалерии, и подняли вопрос о более гуманном отношении к цирковым животным. В 1854 году они добились законодательного запрета на использование собак для перевоза грузов, а в 1869 году приняли закон о защите некоторых видов диких птиц, бывших традиционным объектом охоты [Ryder, 2000. P. 95–97].

В 1840-е, 1850-е и 1860-е годы в Великобритании все более широко публиковалась литература, в которой развивалась тема недопустимости жестокого обращения с животными. Среди образованной публики любимым жанром стала *естественная история*. С началом широкого внедрения анестезии в медицинскую практику стали распространяться мнения о необходимости предпринимать обезболивание не только в отношении пациентов — людей, но и в отношении животных. В течение этих трех десятилетий несколько раз публично прозвучала мысль о том, что следует прекратить практику болезненной вивисекции животных в медицинских лабораториях, которая особенно активно осуществлялась во Франции. Тем не менее вплоть до начала 1870-х годов эта тема все еще оставалась на периферии викторианского общественного мнения.

Но неожиданно все изменилось. В истории защиты животных наступил новый этап, связанный с появлением на публичной сцене *движения антививисекторов*. Благодаря фундаментальной работе Р. Френча история этого движения теперь хорошо известна [French, 1975. См. также: Rupke, 1990; Monamy, 2000]. Антививисекторы впервые всерьез заявили о себе в тот момент, когда ирландская писательница Френсис Пауэр Кобб (1822–1904) в 1875 году основала *Общество по защите животных, подвергающихся вивисекции* (Society for the Protection of Animals Liable to Vivisection). К этому моменту она уже была признанной общественно-политической фигурой в стране и входила в состав исполнительного комитета *Лондонского национального общества женщин-суфражисток*. Она была блестяще образована, оставила после себя много печатных трудов, неоднократно встречалась с Чарльзом Дарвином, по-

буждая последнего более основательно ознакомиться с философией Канта и Джона Стюарта Милля-младшего. Похоже, именно это общение с Дарвином побудило ее более внимательно задаться вопросом о связи между теорией эволюции и социальным неравенством. Тем не менее в ее книге «Преступники, идиоты, женщины и меньшинства», вышедшей в 1869 году, вопрос о защите животных еще не был поставлен. Но уже в начале 1870-х годов Кобб включила в орбиту своих социально-политических действий вопрос о правах животных [Mitchell, 2004].

После выхода в свет в 1871 году книги Дарвина «Происхождение человека» и год спустя его же работы «Выражение эмоций у человека и животных» в Великобритании начались дискуссии о природных иерархиях и о тесном родстве между людьми и животными. Для значительной части образованного британского общества, живо воспринявшего идеи эволюционизма, эти книги стали поводом для того, чтобы публично заявить о своих симпатиях к *страданиям* «меньших братьев человека». Противники лабораторных опытов на животными утверждали, что утрата чувствительности к страданиям животных у людей отбрасывает самих людей на одну ступеньку эволюции ниже, тогда как наличие этой чувствительности и сопереживания к страданиям делает их людьми в подлинном смысле слова [Symons, 2002; Mayer, 2008].

Среди участников движения антививисекторов преобладали женщины. Во многом это было связано с тем, что в Великобритании в этот период женщины не могли обучаться в университетах и заниматься медицинской наукой. Через антививисекторскую риторику образованные британки могли, следовательно, выразить свой протест против сложившегося гендерного порядка в британском научном сообществе. По этой причине опыты на животных в лабораториях иногда трактовались ими как символ грубого, «чисто мужского» отношения к животным, который они требовали смягчить и гуманизировать.

Одной из главных забот движения антививисекторов стала защита собак, которые широко использовались как объекты научных опытов в лабораториях. С точки зрения антививисекторов, опыты на собаках были ничем не оправданным зверством. Активная деятельность антививисекторов привела к тому, что в июле 1875 года была создана *Королевская комиссия по вивисекции* (Royal Commission on Vivisection), которая разработала специальные рекомендации для парламента, принявшего в августе 1876 года очередной законодательный акт против жестокого обращения с животными. Акт 1876 года предписывал использование анестезии в ходе экспериментов и вводил обязательное лицензирование для лабораторий, осуществляющих опыты на животных. Однако в Акте ничего не говорилось о *необходимости уменьшения страдания* подопытных животных. Последнее обстоятельство вызвало недовольство со стороны антививисекторов. Но поскольку новый Акт все же был шагом

вперед по сравнению с предыдущими законами, то волны критики оказались не столь значительными [Monamy, 2000. P. 21–24].

Важным эпизодом в истории антививисекторского движения в Англии стало дело о коричневой собаке – знаменитой *Brown dog*. Оно началось в 1903 году, когда в Лондонском университетском колледже – главном центре экспериментальной медицинской науки в Англии – физиолог Уильям Бейлис провел незаконное рассечение коричневого терьера. Событие вызвало недовольство группы шведских активистов, которые тайно проникли в Колледж. Бейлис был подвергнут обструкции, а в сентябре 1906 года антививисекторы установили в Баттерси, что в Южном Лондоне, бронзовый памятник собаке. Мемориальная табличка на памятнике гласила: «В память о собаке, умершей в лаборатории Лондонского медицинского колледжа. Ее подвергали вивисекции на протяжении двух месяцев, передавая от одного вивисектора к другому, пока смерть не освободила ее. 232 собаки разделили ее судьбу в 1902 году. Мужчины и женщины Англии, сколько это будет продолжаться?» Год спустя после этого больше сотни студентов медиков из Лондонского колледжа попытались прорваться в Баттерси, чтобы уничтожить памятник. Их встретила группа рабочих, которые преградили им путь и вынудили отступить. В течение следующих нескольких дней Баттерси держал оборону против все новых отрядов разъяренных студентов. Плечом к плечу против них стояли рабочие-социалисты, тред-юнионистские лидеры, женщины-суффражистки и врачи местного госпиталя, известного своими антививисекторскими убеждениями. В эти же дни Лондон сотрясали столкновения полиции со студентами, к которым примкнула большая группа так называемых «анти-собачников». Беспорядки происходили и в декабре. Когда они, наконец, утихли, власти приняли решение демонтировать памятник коричневой собаке и переплавить его, чтобы не вызывать новых волнений. Решение было приведено в исполнение в марте 1910 года, вызвав очередную волну недовольств и петиций со стороны антививисекторов [Lansbury, 1985b; Mason, 1997; Kean, 2003].

В исторической перспективе антививисекторское движение 1870–1910-х годов стало зримым выражением конфликта между двумя типами ценностей – ценностями научного материализма, которые разделяли радикалы, в особенности медики и ученые-экспериментаторы, и традиционными ценностями, которые защищали представители консервативных кругов – священники, джентльмены и женщины из среднего класса. Примечательно, что антививисекторы заявили о своей позиции тогда же, когда *антивакцинаторы* выступили против распространения методов бактериологии и иммунологии [Stevenson, 1955], а феминистки и джентльмены-консерваторы – против гинекологии и порнографии [Lansbury, 1985a]. Тем самым становление научной медицины с ее приверженностью к экспериментальным формам работы стало своего рода

культурным вызовом, на который последовала реакция консервативного британского общества периода правления Виктории и последующего за ним периода правления Эдварда. Все названные формы вмешательства — вакцинации, вивисекции, гинекологические осмотры и порнография — воспринимались сдержанной в чувствах, известной своей чопорностью викторианской общественностью как слишком грубые и несовместимые с их собственными ценностями. Викторянцы выступали за чистоту во всех ее проявлениях, поэтому, наряду с целомудрием, они проповедовали санитарии и гигиену. Грязь на городских улицах и жестокость на скотобойнях и в лабораториях мыслились ими как нечто, с чем следует бороться с одинаковым упорством. Поэтому не удивительно, что когда предводительница викторианских санитарных реформаторов, знаменитая основоположница *движения сестер милосердия* Флоренс Найтингел выступила против методов бактериологии, другая викторианка — Френсис Кобб — выступила против вивисекций в лабораториях [French, 1975. P. 239–240].

Активная борьба британских антививисекторов в защиту *животных, используемых для опытов*, продолжалась вплоть до начала Первой мировой войны, после чего она резко пошла на спад. В результате, когда в 1919 году они внесли в парламент специальный *Билль по защите собак* (Dogs' Protection Bill), он не получил поддержки [Bernard Shaw, 1919]. Как показывает Р. Райдер, мировая война резко изменила не только общественную чувствительность, но и расстановку сил в британском обществе. С возрастанием радикализма консервативная идеология защиты животных отошла на второй план. Новый массовый опыт человеческих страданий ослабил стремление заботиться о защите животных [Ryder, 2000. P. 121–146].

Необходимо все же спросить, *почему именно* викторианская образованная общественность, столь рьяно включилась в борьбу по защите животных. На этот счет существует мнение, к которому мы склонны прислушаться. Его высказал Дж. Тернер, который считает, что процветающий средний класс викторианской Британии в условиях индустриальной урбанизации сделал своей заботой права и судьбы животных по той причине, что на повестке дня перед ним стоял более сложный вопрос — вопрос о правах и судьбах рабочего класса. Угрызения совести по поводу нищеты рабочих вынуждали викторианцев сосредоточиться на суррогатном объекте своей заботы [Turner, 1980]. Это мнение хорошо согласуется с более широко известной мыслью о том, что санитарные реформаторы во главе с Эдвином Чедвиком начали в 1840-е годы свою борьбу за очищение городской среды именно потому, что таким путем стремились воздействовать на решение проблемы бедности [Pickstone, 1992; Haas, 2000. P. 141–149].

Итак, Великобритания стала первой в мире страной, где зародились движения по защите животных. Пример британцев вдохновил и некоторые другие страны последовать в этом направлении. Успешнее всего дело обстояло в регионах, где распространился протестантизм. Там раньше

всего принимались законы, запрещающие жестокое обращение со скотом, и создавались общества по защите животных. Самый ранний случай относится к германским землям: в 1766 году в Лейпциге был принят закон, наказывающий заключением в тюрьму лиц, измучивших до смерти верховых лошадей. Примечательно, что Лейпцигский закон опередил даже британские законы, в которых эта норма в XVIII веке отсутствовала. Большинство новых законов против жестокого обращения с животными были приняты лишь в 1830-е годы, опять-таки в городах Германии. Тогда же стали появляться и первые в континентальной Европе общества защиты животных. В 1837 году такое общество появилось в Штутгарте, в 1839 — в Нюрнберге и Дрездене, в 1841 году — в Берлине, Гамбурге и Франкфурте. С 1844 года отмечено появление аналогичных обществ в Швейцарии, где в то же десятилетие появились и законы по защите животных [Ryder, 2000. P. 195]. Распространение движений по защите животных в Европе, как и новых законов против жестокости, было следствием распространения прогрессивных британских нравов. Вместе с ростом городов и созданием промышленности перед образованной общественностью возникал и вопрос о том, как относиться к животным в условиях стремительно меняющегося мира, к которому тем тяжело приспособиться.

В США начало деятельности по защите животных связано с появлением в 1866 году в Нью-Йорке *Американского общества по предотвращению жестокости по отношению к животным* (American Society for the Prevention of Cruelty to Animals). Оно было создано Генри Бергом по подобию британского Королевского общества. Была подписана *«Декларация по защите прав животных»* и создан офис, персонал которого занялся организацией помощи раненым животным в Нью-Йорке, главным образом лошадям. Американское общество стало инициировать разработку и принятие первых американских законов по защите животных. В поле зрения американских активистов, как и в Европе, в первую очередь попали лошади и крупный рогатый скот. Забота о собаках и кошках была обозначена только к началу XX века, хотя уже в 1867 году в отчете Общества сообщалось о случае, когда в тюрьму был заключен мужчина, убивший кошку. Как и в Великобритании, американское движение в защиту животных началось с попыток запретить любимый в народе «кровавый спорт». Первоначальным объектом внимания стали петушинные бои, а затем травля собак. Кроме того, с самого начала в Америке стали распространяться требования о необходимости уменьшить страдания животных, забиваемых на скотобойнях. Как и в Великобритании, в последней четверти XIX века в США появилось движение активистов [The ASPCA, 2009].

Британский случай движения по защите животных показывает, что оно не только зародилось в викторианских кругах, но и было культурной реакцией консервативного общества на индустриальную урбанизацию и связанный с ней рост радикализма и научного материализма. Опыт анало-

гичных движений в других западных странах во многом базировался на тех же основаниях. Кроме того, ранняя история движений по защите животных нередко была связана с распространением национализма и антисемитизма. В этом смысле она оказалась конгениальной ранней истории природоохранных движений в Германии и США, которые были замешаны на антимодернизме, ксенофобии и евгенических теориях [Винер, 2008. С. 134].

Характерный пример здесь дает Германия, где в конце XIX века движения по защите животных переплелись с антисемитизмом. В 1880-е и 1890-е годы в центре внимания германских активистов оказался вопрос о гуманном умерщвлении рогатого скота. Тогда же в Саксонии и других областях стали появляться антисемитские общества, которые начали выступать за «очищение» страны от «грязного еврейского элемента». Одним из первейших объектов их взоров стали скотобойни. Поскольку в германских городах еврейское население было одним из главных потребителей мясной продукции, имея возможность приобретать его даже в период христианского поста, то держатели скотобоен для сохранения своей клиентуры прибегали к *кошерному* способу забоя скота. Мясники резали скот большими острыми ножами, добиваясь полного опорожнения туш от крови. Антисемитские идеологи предложили другой способ забоя животных. Перед забоем скот следовало усыплять, а при убое — избежать пролития крови. Свои взгляды они обосновывали тем, что обильное пролитие крови скота приводит к загрязнению городской среды и ведет к распространению заразных болезней, а кошерный способ умерщвления животных поддерживает в обществе жестокость одних людей против других [Judd, 2003]. Вообще, на рубеже XIX и XX веков этическая, природоохранная, санитарная и антиеврейская риторика в Германии были сильно переплетены между собой. Как показал П. Вейдлинг, страх перед эпидемиями тифа, будораживший сознание националистически настроенных образованных немцев, стал одним из поводов к последующему еврейскому геноциду [Weindling, 2000]. В этом смысле ранние страницы континентальной истории защиты прав животных оказались написаны в обстановке растущего антисемитизма и национализма.

Вместе с тем антививисекторские движения, подобные тем, что распространились в Великобритании и США, в континентальной Европе не появились. Ни Германия, ни Франция, ни другие страны Европы на рубеже XIX и XX веков не встретились с социальным протестом против жестокого обращения с животными в медицинских лабораториях. Со времен Франсуа Маженди и Клода Бернара «экспериментальная физиология» была чисто французской наукой, а с 1840-х годов, когда в Германии начался процесс создания лабораторий при медицинских факультетах, физиология с ее вивисекциями укрепила свои позиции и в Германии. Неизменная конкуренция французской и германской науки в XIX веке способствовала тому, что правящие элиты обеих стран активно поддерживали

своих ученых. Физиология считалась одним из символов научного прогресса на континенте, поэтому опыты с лабораторными животными считались необходимой платой за этот прогресс [Lesch, 1984]. Таким образом, европейский континентальный опыт движений по защите прав животных первоначально был более скудным, чем в англоязычных странах.

В целом, и англо-американские, и западноевропейские движения в защиту прав животных имели общие черты. Они были консервативными по своему характеру и выступали против того, что их участникам представлялось радикальным и бесчеловечным. Присущий им собственный радикализм мыслился активистами как необходимое условие для сохранения более справедливого общественного порядка.

Современные движения по защите животных на Западе

Как уже было сказано выше, период после Первой мировой войны стал временем угасания движений по защите животных. Число активистов обществ по предотвращению жестокости сократилось, и их акции стали менее заметными. Британское Королевское общество и родственные ему организации в других странах довольствовались тем, что им удавалось защищать животных лишь в трех направлениях: на сельскохозяйственных фермах, во время охоты и в медицинских лабораториях. Война радикализовала общественную жизнь, и старые культурные ценности уже не казались столь важными, как прежде. Вторая мировая война еще более усилила эту тенденцию. Законы против жестокости, принятые на Западе в XIX и начале XX века, продолжали действовать, однако масштабы жестокости против домашних и диких животных несколько не уменьшались. С развитием биомедицинских исследований количество животных, умерщвляемых в лабораториях, возросло на порядки.

На этом фоне отдельные попытки переломить ситуацию выглядели весьма впечатляюще. В США после окончания Второй мировой войны были отмечены случаи изменить ситуацию в сфере защиты животных в лабораториях. Важный шаг в этом направлении был сделан в 1952 году, когда физиолог из Мичиганского университета Роберт Гезел публично выступил против *Национального общества медицинских исследований* (National Society of Medical Research) — организации, которая была призвана регулировать практику медицинских экспериментов на животных. Гезел назвал эту практику бесчеловечной. Национальное общество медицинских исследований было создано в 1945 году. Во главе его стояли серьезные и ответственные люди — президент Антон Карлсон из Чикагского университета и секретарь-казначей Эндрю Иви, также из Чикаго. Последний имел опыт участия в Нюрнбергском процессе против нацистских преступников. Руководители общества имели все основания считать, что свою работу по организации медицинских исследований они ведут строго

в соответствии с существующими законами и, несомненно, вносят вклад в прогресс научной медицины, а значит, и в прогресс человечества. Тем не менее их уверенность была оспорена их вчерашним коллегой Гезелом. В 1951 году Гезел и его дочь Кристина Стивенс основали в Нью-Йорке *Институт благополучия животных* (Animal Welfare Insitute). Гезел и Стивенс развернули публичную кампанию против порядков, царящих в физиологических лабораториях американских университетов. Защитники животных утверждали, что животные часто содержатся в тесных и неудобных клетках, их анестезируют болезненными уколами и умерщвляют с помощью неподходящих для этих целей препаратов, таких как стрихнин. Вслед за этим развернулась публичная полемика. Противники Гезела широко использовали маккартистскую риторику. Они высмеивали защитников прав животных как агентов коммунизма и дремучих противников прогресса и человечности. При этом они с ужасом указывали на британский пример, где законы, ограничивающие эксперименты на животных в лабораториях, вынуждают талантливых исследователей покидать страну и проводить свои опыты за рубежом. В свою очередь, Гезел прибегал к схожей риторике. Он сравнивал жестокие опыты на животных со зверствами нацистских медиков в концлагерях и указывал на то, что прогресс человечности зависит не столько от числа умерщвленных лабораторных собак, сколько от уменьшения числа страдающих. Он особо подчеркивал, что защитники прав животных требуют не прекращения опытов, но именно *прекращения страдания* как для животных, так и для людей. После смерти Гезела в 1954 году споры между Национальным обществом и Институтом не прекратились. Во многом именно их продолжительный и публичный характер привел к тому, что в 1966 году в США был принят *Закон о благополучии лабораторных животных* (Laboratory Animal Welfare Act). Кристина Стивенс и ее соратники продолжали стимулировать общественное внимание к проблемам защиты прав животных. В результате Закон 1966 года в последующем подвергся серии улучшений. Нормы «гуманного обращения» были распространены не только на лабораторных животных, но и на животных, содержащихся на фермах, и диких животных. Кроме того, они были распространены на всех теплокровных животных. На протяжении всей истории своего существования Институт благополучия животных подвергался критике не только со стороны сторонников биомедицинских исследований, но и со стороны американских антививисекторов. Тем не менее работа, которую провели Гезел, Стивенс и их коллеги, в перспективе оказалась весьма успешной [Parascandola, 2007; Phillips, 1993].

Деятельность Гезела и Стивенс пришлась на годы холодной войны, когда милитаристские настроения в США были наиболее сильными. Схожей была ситуация и в других странах Запада. Однако вслед за долгим периодом апатии наступило новое время социальной активности. В нача-

ле 1960-х годов на Западе наступила реакция на милитаризм, вызвавшая к жизни новые движения — антивоенные, антирасистские, женские и др. Оживилось и движение по защите животных, и вновь первой страной, где оно дало о себе знать наиболее сильно, была Великобритания. Вслед за этим оно распространилось на Австралию, затем на США, Канаду и Новую Зеландию, и уже вслед за этим — на континентальную Европу.

В Великобритании новая волна движения была вызвана растущим недовольством позицией Королевского общества. Наступило время более радикальных действий. Так, члены Королевского общества, выступая в защиту сельскохозяйственных и лабораторных животных, а также некоторых видов птиц, на которых велась охота, поддерживали старую традицию охоты на лис и оленей. Большая часть членов Общества принадлежала к благородным семьям, а для правящего британского класса охотничьи традиции прошлого составляли самую суть их культуры и существовавшего классового порядка. Новое поколение молодых радикалов бросило вызов старым традициям. В 1963 году была создана *Ассоциация по саботажу охоты* (Hunt Saboteurs Association), которая начала совершать диверсионные акции по спасению лис и оленей. Свои первые акции она провела в Южной Англии, где активисты стали препятствовать организации охоты и эвакуировали из охотничьих угодий диких животных. Вслед за этим начались почти непрерывные кампании в других частях страны. Это привело к тому, что в 1967 году Британский парламент был вынужден специально рассмотреть вопрос по поводу охоты на лис. Число активистов Ассоциации все время росло. В 1977 году их было уже 3 тыс. человек, а в 1982 — 4 тыс. человек. В 1960-е годы резкой критике подверглось Королевское общество, в результате чего его члены раскололись на консерваторов и реформаторов. После 1972 года в Королевском обществе усилились реформаторские настроения, и все большее число его членов стали выступать за запрещение в стране традиционного «кровавого спорта». К концу 1970-х годов на руководящие должности в Королевском обществе пришли реформаторы, сочувствующие идеям членов Ассоциации. С прежними традициями поддержки охоты на лис и оленей было покончено [Ryder, 2000. P. 163–177].

В 1960-е, 1970-е и 1980-е годы в англоязычных странах стало расти число академических исследований, посвященных защите животных. На передний план вышла большая группа интеллектуалов, чьи тексты оказали большое влияние на общественность. Нередко их философские аргументы расходились между собой, но это не меняло сути дела и той активной позиции, которую они занимали.

В 1969 году британский психолог Ричард Райдер (род. 1940), долгое время занимавшийся лабораторными опытами на животных, публично выступил против такого рода исследований. В 1975 году Райдер написал ставшую знаменитой книгу «Жертвы науки» [Ryder, 1975], за которой

последовали другие его работы. В начале 1970-х годов он ввел в широкое употребление термин *спесиесизм*, которым обозначил видовую эксплуатацию человеком других животных и всего так называемого «четвертого мира». Райдер настаивал на наличии у животных естественных прав, общих с людьми, поскольку, как и люди, они способны чувствовать боль. Его активная позиция вскоре привела его на пост Председателя Королевского общества по предотвращению жестокости в отношении животных, после чего он возглавлял и другие группы защитников животных. В 1977 году в ходе конференции по правам животных в Тринити-колледж в Кембридже Райдер выступил с «Декларацией против спесиесизма», которую подписали 150 человек, в том числе члены Королевского общества [Ryder, 2000. P. 179].

Коллегой и в известном смысле оппонентом Райдера выступил австралийский философ Питер Зингер (род. 1946), главный теоретик *движения освобождения животных*. Он отказывался признать наличие у животных прав, но соглашался с Райдером в том, что животные способны испытывать боль, но при этом, подобно людям, стремятся к благу. Поскольку люди могущественнее животных, то им надлежит нести биоэтическую ответственность перед ними. В 1975 году он опубликовал культовую книгу «Освобождение животных», в которой с оригинальных позиций высказался против спесиесизма [Singer, 2001. См. также: Singer, 2006].

В 1976 году в Нью-Йорке Генри Спира мобилизовал жителей города, включая конгрессменов, на акцию против проведения экспериментов на кошках в Американском музее естественной истории. Начатая им кампания считается отправной точкой современного американского движения за права животных [Kguse, 1999. P. 179; Munro, 2002]. Роль главного американского теоретика защиты прав животных, однако, взял на себя профессор Том Риган (род. 1938), автор вышедшей в 1983 году книги «Случай прав животных» [Regan, 2004]. В своей фундаментальной работе Риган рассмотрел целый ряд сюжетов, определивших в последующем ход дискуссий по проблемам защиты животных: сознание и чувства у животных, благополучие животных (*animal welfare*), автономия, справедливость и равенство применительно к животным и др.

С 1960-х годов началось переосмысление образа животных средствами масс-медиа. В кинематограф и на телевидение пришли образы разумных и деятельных животных — героев популярных и научно-популярных фильмов о собаках, дельфинах, приматах и т. д. Среди культовых киноповествований стоит назвать знаменитую сагу «Планета обезьян», впервые увидевшую свет в конце 1960-х годов [Symons, 2002].

Рост числа ярких публикаций, кинофильмов и телепередач способствовал стремительному изменению общественного мнения. Число движений по защите животных стремительно росло во всем мире. В западных странах стали широко открываться убежища и приюты для

бездомных и брошенных городских животных. Активисты начали пристально наблюдать за практиками содержания животных в зоопарках, цирках, сельских фермах и т. д. Начали разворачиваться крупные международные кампании по спасению и защите диких животных.

К организациям, возникшим еще в 1950-е годы, — *Всемирной федерации по защите животных* (World Federation for the Protection of Animals) (1953) и *Международному обществу по защите животных* (International Society for the Protection of Animals) (1959) — присоединились новые: *Всемирный фонд дикой природы* (World Wide Fund for Nature), *Международный фонд благополучия животных* (International Fund for Animal Welfare), *Гринпис* (Greenpeace), *Всемирное общество по защите животных* (World Society for the Protection of Animals) и др. В 1970-е годы международные группы активистов начали акции по спасению шотландских тюленей. Затем пришло время спасения китов, дельфинов, горных горилл и других диких животных. Одновременно с этим защитники животных продолжили борьбу против «кровавого спорта» в различных странах. Активисты из США выступили против стрельбы по голубям, которая долгое время имела статус национальной забавы на северо-востоке страны [Bronner, 2005]. Всемирное общество по защите животных развернуло серию кампаний против национальных традиций травли животных в Южной Европе, Азии и Африке. Вновь, как и в XIX веке на Западе, в поле зрения активистов попали: травля быков и медведей, петушиные и собачьи бои. В конце 1980-х годов австралийские активисты заявили о популярной в Австралии стрельбе по уткам как важной социальной проблеме [Munro, 1997].

Уже в 1960-е годы наметилась тенденция разделения всех движений и организаций по защите животных на два больших течения — умеренное и радикальное. Для первого были характерны методы *непрямого действия*, для второго — методы *непосредственного прямого действия*, такие как насильственное похищение животных из лабораторий, ферм, цирков и перемещение их в более подходящие для их существования места. За каждым из этих течений стояла своя идеология. К радикальному течению с самого начала относилась Ассоциация по саботажу охоты. В 1975 году вслед за ней в Великобритании было создано международное подпольное движение *Фронт освобождения животных* (Animal Liberation Front). Подлинная история его деятельности известна мало, поскольку Фронт действует партизанскими методами и, по мнению властей разных стран, его активисты склонны к эко-терроризму. По некоторым данным, Фронт возник в Великобритании по инициативе Ронни Ли, прежде состоявшего в *Отряде милосердия* (The Band of Mercy) и *Ассоциации саботажа охоты* (Hunt Saboteur's Association). Формального членства в данной организации не существует. Его участники действуют на добровольной основе, руководствуясь идеологией вегетарианства. В своей деятельности они активно нарушают законы конкретных государств и доставляют много хлоп-

пот властям, полиции, промышленникам, фермерам и пр. Согласно директивам Фронта освобождения животных, его активисты могут освобождать животных из мест, где им причиняют вред или убивают, — со звероферм, ферм, из лабораторий, — и пристраивать туда, где они смогут жить полноценной жизнью; наносить экономический ущерб тем, кто зарабатывает деньги на эксплуатации животных; информировать общественность о преступлениях против Земли и обитающих на ней биологических видах; с помощью ненасильственных акций и прямого действия сообщать общественности о том, что происходит с животными за закрытыми дверями; принимать все возможные меры предосторожности, чтобы не причинять вреда людям и животным. На протяжении первых лет своей деятельности активисты Фронта часто занимались похищением подопытных животных из лабораторий. Позднее в их деятельности стали присутствовать элементы вандализма (порчи имущества), поджоги и угрозы лицам, чья деятельность является объектом акций Фронта. При этом идеология Фронта по-прежнему продолжает базироваться на идеях ненасилия по отношению к людям и животным, хотя некоторые официальные лица в разных странах склонны считать, что переход деятелей Фронта к насилию возможен в перспективе. О деятельности Фронта существует специальная литература, при этом часть публикаций подготовлена самими активистами Фронта [Mann, 2007. См. также: Newkirk, 1992].

Еще одной широко распространенной практикой защиты животных в 1970-е годы стала организация публичных акций против ношения одежды из шкур и мехов животных, а также пропаганда вегетарианства и оказание помощи больным и брошенным животным в городах. На этой деятельности сосредоточилось большое число современных организаций защиты животных, самой крупной и самой известной из которых стала знаменитая *PETA* — *Люди за этическое обращение с животными* (People for the Ethical Treatment of Animals). Она была создана в 1980 году Алексом Пачеко и Ингрид Ньюкирк. Штаб-квартира PETA расположена в Норфолке, штат Виргиния, США, а офисы — по всему миру. По некоторым данным, число сторонников организации в 2004 году достигло 800 тыс. человек. В фокусе внимания PETA четыре типа проблем: использование животных в сельском хозяйстве, вивисекция (биомедицинские эксперименты и тестирование новых лекарств), использование шкур и мехов на рынке одежды, животные в индустрии развлечений. Активисты PETA занимаются спасением животных и сбором и распространением информации, расследуют случаи жестокого обращения с животными, поддерживают законодательные меры, проводят специальные мероприятия и акции протеста, к участию в которых часто привлекают знаменитостей. Многие кампании, осуществляемые активистами PETA, призваны шокировать общественное мнение. Часто они сопровождаются публичным обнажением, с целью показать, например,

что человеческая кожа столь же хорошо защищает от холода и ветра, как шкуры животных, или то, что туши забитых животных визуально напоминают голые человеческие тела. В кампаниях начала 2000-х годов PETA привлекла многих известных моделей и звезд секс-индустрии. Поскольку в ходе публичных акций, устраиваемых активистами PETA, часто фигурируют образы обнаженных женских и – реже – мужских тел, публичная политика PETA порождает вопросы. Некоторые экофеминистские теоретики считают, что используемые активистами образы женской сексуальности на самом деле свободны от сексистских интерпретаций и, напротив, выражают идеи постгуманистической феминистской этики – этики, уравнивающей женщин, киборгов и животных [Deckha, 2008. См. также: Naraway, 1991. P. 149–181; Adams, 1995].

Активность международных организаций по защите животных повлияла на систему международного права. Уже в 1960-е годы появились первые международные правовые акты, регулирующие вопросы транспортировки домашних и диких животных, защиты территорий проживания диких животных и так далее [Von Holstein, 1969]. Во многих странах было разработано законодательство, предполагающее ту или иную степень ответственности за причинение страданий животным. В частности, «Европейская конвенция по защите домашних животных» (1987) признает наличие у человека нравственного долга перед животными, указывает на их ценность перед обществом, а также на то, что животных и человека связывают особые узы. А в результате принятой в 1986 году «Конвенции по защите экспериментальных животных» была разработана так называемая *3R-концепция*, согласно которой необходимо принять все меры по сокращению и замене животных при проведении любого вида экспериментов. В настоящее время 3R-концепция применяется для оценки допустимости экспериментов в науке и промышленности на всей территории Европейского союза ¹ [Russel, Burch, 1992].

В целом, история современных движений по защите животных на Западе оказалась тесно связана с развитием публичной политики, ориентированной на идеалы демократии, свободы, равенства и справедливости для всех. Новое поколение защитников прав животных еще более громко, чем их предшественники, пропагандировало гармонию человека с окружающей средой и невмешательство в жизнь природы. Защитники прав животных идеологически были включены в сеть *экоацифистов*, хотя

¹ 3R-концепция Рассела и Барча включает в себя три базовых принципа организации исследований на животных: *reduction* – максимально возможное уменьшение числа животных, используемых для осуществления необходимых учебных или научных целей; *refinement* – улучшение, совершенствование экспериментальных методик для снижения (исключения) отрицательных (болевых, стрессирующих и других) влияний на животное; *replacement* – устранение животных из экспериментальной или учебной работы, если есть возможность получить аналогичные результаты альтернативными методами.

и обращали внимание на то, что правам животных там уделялось недостаточно внимания. Социальную базу нового поколения защитников животных чаще всего составляли молодежь, гуманитарная интеллигенция, служащие и «новый средний класс». Движения по защите животных неизменно чутко реагировали на вызовы времени, формулировали новые социальные проблемы и пытались их разрешить приемлемыми для себя способами. Благодаря просветительской работе общественных организаций по защите животных на Западе распространилось представление о животных как о существах, которые во всем зависят от человека. Деятельность по защите животных стала продолжением иных форм социальной активности, нацеленной на защиту прав отдельных категорий человеческих индивидов — женщин, детей, инвалидов, меньшинств.

Защита животных в России

В России судьбы движений по защите животных, как и иных социальных движений в целом, складывались иначе, чем на Западе. В условиях однопартийной политической системы, сложившейся в первые месяцы существования советского государства, и культивируемого в течение семи десятилетий единомыслия возможность каких-либо инициатив «снизу» была ограничена. Чаще всего они превращались в формальные и официально утвержденные «сверху» движения, как, например, стахановское движение или движение доноров. Но в таком случае они обычно довольно быстро теряли эмоциональную поддержку у населения.

На протяжении всего периода существования советского государства вопросы защиты животных связывались только с одним видом деятельности — *защитой диких животных*. Дикие животные, как и дикие растения, рассматривались как ценный природный ресурс, существование которого позволяет обществу более уверенно смотреть в будущее и при необходимости воспользоваться им в случае каких-либо неотложных потребностей. Именно такая точка зрения преобладала над всеми остальными, хотя, разумеется, энтузиасты природоохранного дела в Советском Союзе руководствовались и другими соображениями — нравственными, эстетическими, воспитательными. Вся история существования заповедников в СССР свидетельствует о том, что в отношении их власти исповедовали, главным образом, хозяйственный подход. Периоды организации заповедников (1920-е, 1940-е, вторая половина 1950-х, 1960-е и 1970-е годы) сменялись периодами, когда государство стремилось «активно использовать» ресурсы заповедников и смело сокращало их размеры и число (начало 1930-х, начало 1950-х, начало 1960-х годов) [Горяшко, 2000; Федоров, Степаненко, Фролов, 2007. С. 3–4].

В известном смысле диким животным на территории СССР уделялось больше внимания, чем всем остальным животным — домашним,

сельскохозяйственным и животным, используемым в лабораториях. Их «опекало» созданное еще в 1924 году *Всероссийское общество охраны природы* (ВООП) [Федоров, Степаненко, Фролов, 2007. С. 77–86]. После того, как в 1951 году советское правительство издало постановление о ликвидации большого числа заповедников, было закрыто и ВООП. Однако в 1954 году заповедное дело в СССР было реабилитировано, а вместе с ним было возрождено и Общество. Именно тогда в рамках его Московского отделения впервые появилась специальная секция по охране животных. Главная задача секции состояла в *улучшении условий содержания подопытных животных* при научно-исследовательских институтах. Заметим, что хронологически ее появление совпало с началом деятельности Гезела и Стивенс в США и созданного ими Института благополучия животных. Различия состояли в условиях и характере работы. Секция защиты животных при Всесоюзном обществе была бессильна повлиять на общую ситуацию. Все деятельность по охране животных продолжала носить формальный, контролируемый и направляемый государством характер.

Отметим, что на протяжении всей советской истории судьбы лабораторных животных в СССР не определялись никаким специальным законодательством. Благополучие подопытных животных зависело всецело от конкретных ситуаций, от того, как относились к ним служители вивариев и ученые, осуществлявшие над ними эксперименты. Мы знаем большое число примеров того, как конкретные исследователи – медики, биологи, фармакологи – пытались на свой собственный страх и риск облегчить их участь и помочь избежать лишних страданий. Однако все это оставалось сугубо их личным делом и не было предписано законом или общепринятой моральной нормой. Заметим, что вплоть до начала 1990-х годов в СССР не было не только официально сформулированных кодексов этичного отношения к животным, но и этических кодексов, определяющих проведение медицинских исследований с участием человека. Знаменитый Нюрнбергский кодекс 1947 года, устанавливающий этические нормы медицинских экспериментов, в нашей стране был ратифицирован только в начале 1990-х годов [Тищенко, 2007].

Та же ситуация была характерна и для сельскохозяйственных животных. Нравственные аспекты использования рогатого скота, лошадей и верблюдов не были ни предметом философской рефлексии, ни поводом для широкой социальной активности, как, например, в Великобритании XIX века.

В целом, в советский период сложившиеся формы взаимоотношения людей с животными в разных сферах регулировались либо традициями (как в сельском хозяйстве), либо техническими аспектами деятельности (как в сфере лабораторных исследований), либо государственно-правовыми нормами (как в сфере охраны диких животных). Советская общественность, не имевшая возможности защищать собственные гражданские

права, была далека от того, чтобы заботиться о правах животных. Активисты, искренне пытавшиеся помочь животным, действовали на альтруистической основе. В 1960-е и 1970-е годы, однако, они смогли мобилизовать основную массу школьников и отдельных категорий студенчества (студентов биологических факультетов). Школьники при поддержке учителей организовывали живые уголки в классах, трудились в садах юных натуралистов, подкармливали диких животных на так называемых «экологических тропах» в заповедниках, развешивали кормушки и скворечники. Деятельность такого рода была организована неплохо, но она, как правило, совершенно не распространялась на взрослое население страны. По некоему неписаному правилу, защита животных в СССР была делом немногочисленных специалистов и целой армии школьников.

С распадом Советского Союза начались перемены. Одна за другой стали разваливаться прежние экологические организации, закрывались живые уголки и кружки юннатов. Организованная учителями и учеными-энтузиастами молодежь покинула пространство природоохранной деятельности. Этот процесс, однако, не был ни катастрофическим, ни необратимым. Именно на волне распада СССР и однопартийной политической системы в стране началось оживление общественной жизни. В стране, наконец, появилась публичная политика, и в рамках нее стали ускоренно формироваться новые экологические организации и движения. Характерной приметой времени стало стремление новых общественных деятелей примерить на себя роли *экологически просвещенных политиков*. Кроме того, в страну стали проникать международные гуманитарные и природоохранные организации и фонды, которые стали на свой манер прилагать усилия по мобилизации населения на защиту природы и животного мира. Большинство из них пытались не только взаимодействовать с активистами «прежнего призыва», но формировать новых. Это было тем более важно, что широкая социальная база защитников природы в лице школьников была практически полностью потеряна. На этом фоне была развернута и работа по формированию движений по защите животных.

Представить точную картину социальной активности по защите животных в современной России на сегодняшний момент довольно непросто. Поскольку до сих пор отсутствуют значительные публикации такого рода, то главным источником информации могут служить преимущественно Интернет-материалы и немногочисленные печатные публикации [Ласуков, 2000; 2001; Федоров, Степаненко, Фролов, 2007]. Проанализировав их, мы можем предложить следующий обзор.

В 1988 году в СССР были запущены первые проекты Всемирного фонда дикой природы, а в 1994 году официально открылось российское представительство WWF. В числе провозглашенных Всемирным фондом задач значилась охрана редких видов животных, в том числе дальневосточного леопарда, амурского тигра, зубра, снежного барса [Федоров,

Степаненко, Фролов, 2007. С. 69–72]. Деятельность Всемирного фонда с самого начала приобрела респектабельные формы, и по этой причине оказалась востребованной лишь узкими группами интеллигенции.

В июле 1989 года в СССР пришла международная экологическая организация Гринпис. Это событие было обставлено драматически: Алексей Яблоков, тогда председатель Комитета по охране окружающей среды СССР, находясь на борту корабля Гринпис «Воин радуги», официально объявил о создании российского отделения Гринпис в качестве «первой независимой организации в Советском Союзе». В 1992 году официально был образован «Российский Гринпис», и открылся его офис. Заявленные российским руководством Гринпис цели соответствовали официальным целям организации во всем мире – сохранению уголков нетронутой природы, борьбе с ядерной опасностью, химическим и генетическим загрязнением [Федоров, Степаненко, Фролов, 2007. С. 62–68]. Но деятельность по защите животных в программе российского «Гринпис» не значилась.

В 1992 году в России была предпринята попытка создания первой национальной экологической партии. Однако отсутствие серьезной общественной поддержки привело к тому, что российские «зеленые» оказались крайне слабы. Первенцем стало так называемое *Конструктивно-экологическое движение «Кедр»*, которое, просуществовав более десяти лет, трансформировалось в *Российскую экологическую партию «Зеленые»*. Вместе с тем хроническое отсутствие социальной поддержки у российских «зеленых» привело к тому, что их участие в публичной российской политике до сих пор продолжает оставаться незаметным. О существовании партии напоминает лишь официальный сайт и крайне редкие публичные акции, которые при этом имеют слабый общественный резонанс. Следует добавить, что вопросы защиты прав животных в Уставе Российской экологической партии до сих пор не появились. По ряду политических причин к 2010 году партия «зеленые» в России постепенно вновь превратилась в *Экологическое движение «Зеленые»* [Федоров, Степаненко, Фролов, 2007. С. 3–4].

К числу наиболее заметных экологических организаций в России, действовавших в первом десятилетии XXI века, кроме вышеупомянутых, необходимо также отнести следующие: *«Движение студенческих дружин охраны природы»*, *«Международный социально-экологический союз»*, *«Российский региональный экологический центр»*, *«Эколого-просветительский центр “Заповедники”»*, *«Российский зеленый крест»*, *«Российский экологический конгресс»*, *«Российский экологический союз»*, *«Союз охраны птиц России»*, *«Центр охраны дикой природы»*, *«Экологическая вахта по Северному Кавказу»*, *«Российская сеть рек»*. С некоторой степенью уверенности можно говорить о том, что вопросы защиты животных для подавляющего большинства из них не были приоритетными.

Важным источником формирования движений по защите животных в постсоветской России оказались и другие гражданские инициативы. Некоторые из них возникали из попыток распространить западные нормы биоэтики на отечественную почву. Так, на исходе 1980-х годов академики И.Т. Фролов и А.А. Баев познакомились с идеями биоэтики и развернули работу по пропаганде биоэтики в нашей стране. К началу 1990-х годов начали появляться первые публикации о биоэтике. Вслед за этим были приняты шаги по созданию первых организаций, занятых проблемами биоэтики. В 1993 году был создан *Национальный комитет по биоэтике РАН*. В состав Национального комитета вошла целая группа видных отечественных ученых, философов, медиков и общественных деятелей. С первых дней своей работы члены Национального комитета занялись пропагандой этических норм в сфере биомедицины и гуманного отношения к животному миру. В появившихся вслед за этим публикациях ученых впервые в нашей стране были поставлены вопросы о допустимости и оправданности использования животных в экспериментах [Павлова, 1997; Павлова, 1998]. Ратификация некоторых международных правовых документов по проблемам биоэтики привела к тому, что в российскую медицинскую науку были инкорпорированы западные стандарты этического обращения с животными в ходе медицинских экспериментов. В 1999 году Министерство здравоохранения России утвердило «Правила проведения качественных клинических исследований в РФ», определяющие порядок использования подопытных животных. Вслед за этим специалисты в области биоэтики призвали использовать еще более продвинутое нормы, в частности положения Хельсинкской декларации 2000 года [Этическая экспертиза, 2005. С. 152–153].

В 1994 году в Москве стал действовать *Центр этичного отношения к животным*, выступивший в роли российского подразделения Всемирного общества защиты животных. В 2003 году он был официально зарегистрирован как Российская некоммерческая благотворительная организация Центр защиты прав животных «Вита». В отличие от российского отделения WWF, «Гринписа», экологической партии и Комитета по биоэтике, деятельность центра приобрела более активный характер. По примеру западных организаций в защиту прав животных активисты центра стали проводить митинги и пикеты, пытались привлекать к судебной ответственности лиц, виновных в жестоком обращении с животными. Активисты центра стали снимать и распространять пропагандистские фильмы, наладили корреспондентскую сеть в Интернет, стали приглашать на свои митинги знаменитостей, как отечественных, так и зарубежных¹. В деятельности центра, на наш взгляд, просматривается попытка реализовать основные элементы политики PETA на российской почве.

¹ Официальные материалы о центре защиты прав животных «Вита» см.: <http://www.vita.org.ru/about-us.htm>.

Между тем официального российского представительства организации *Люди за этичное обращение с животными* пока не существует. Но деятельность РЕТА в России за последние два года активизировалась. В ноябре 2008 года активисты РЕТА устроили в Москве характерную для этой организации акцию против ношения мехов, информация о чем моментально стала достоянием Интернет-сообщества: в ходе акции две обнаженные иностранки с транспарантами в форме сердечка провели несколько минут на холодном ветре перед камерами репортеров у памятника Карлу Марксу [Обнаженные активистки РЕТА, 2008]. 15 марта 2010 года группа российских и канадских активисток, прибегнув к аналогичной манере, устроила акцию протеста против охоты на тюленей перед посольством Канады [15 марта – акция РЕТА, 2010; РЕТА устроила пикет, 2010].

В 2000 году в России начал действовать *Фронт освобождения животных*. Как и в других странах, российские активисты фронта перешли к партизанским методам работы. В 2000 году в Сочи на здании местного цирка появились граффити с надписью «Цирк – камера пыток», лозунгами были исписаны заборы мясоперерабатывающих предприятий. Далее последовали акции против использования натуральных мехов. Из сочинского зоопарка был выкраден енот. В 2004 году активисты фронта начали свою работу в Москве, проникнув в виварий Первой медицинской академии РАМН и вынеся из него более сотни лягушек, предназначенных для опытов. Нападению подверглись также лаборатории биологического факультета МГУ, откуда были вынесены лабораторные крысы и кролики. Вслед за этим последовала серия акций на зверофермах Московской и Ленинградской областей, где активисты выпустили на свободу хорьков и норок. Переполох, вызванный деятельностью российских активистов фронта, вызвал широкую негативную реакцию официальных лиц, ученых и работников ферм, которые расценили все происходящее как примеры экологического терроризма и хулиганства ¹.

Если подвести общий итог, то можно прийти к следующему выводу. Деятельность многих организаций по защите животных в России сегодня, как и прежде, во многом растворена в рамках природоохранных движений. Их участниками, в основном, остаются активисты из числа работников заповедников, ученых-биологов, учителей и школьно-студенческой молодежи. В большинстве своем они стремятся избегать публичности и ведут свою работу на основе личного энтузиазма и *подвижничества*. Защита животных для них – моральный долг и личное дело активистов, что ясно уже из того, что они почти не апеллируют ни

¹ Официальный сайт группы поддержки Фронта освобождения животных в России см.: <http://www.aeliberation.net/>. Наиболее полный обзор деятельности фронта см. в: [Фронт, 2005].

к властям, ни к обществу в целом. Масштабы их практической деятельности, как и просветительской работы, трудно измеримы.

Более «видимы» те организации и движения, которые сопровождают свою деятельность публичными акциями и апеллируют к властям, журналистам и населению. «Подвижническая модель» работы для них неприемлема и они всецело ориентированы на участие в публичной политике. Для них существование диалога, хотя бы и в форме провокации (как у РЕТА и фронта), является важным условием достижения результата. С практической стороны результаты большинства предпринятых активистами таких организаций акций близки к нулю. Но значение здесь имеет не практический, а символический результат. Такие движения по защите животных стремятся к завоеванию общественного внимания и через это — к изменению общества. Между тем их первые шаги пока еще не получили широкого признания, и они остаются крайне малочисленными. Однако наличие к ним определенного интереса со стороны журналистов и Интернет-сообщества позволяет предположить, что у них все же имеется определенный шанс на признание и поддержку в будущем.

* * *

История социальных движений по защите животных ждет новых исследований. В данной статье была сделана первая в отечественной литературе попытка дать связное ее изложение, поэтому за пределами данного текста, безусловно, остались факты, имеющие значения для серьезного разговора. Зарубежный опыт такого рода движений и, конечно, то, как анализируются результаты их деятельности, остается крайне важным и поучительным для нас. Понимание его и сопоставление с аналогичным отечественным помогает лучше оценить перспективы. Пока социальная активность по защите животных в России все еще остается слабой. Но совершенно не исключено, что по прошествии некоторого времени все переменится. Как показывает история, путь от борьбы за улучшение жизни людей к улучшению жизни животных часто бывает недолгим.

Список литературы

- Винер Д. Р.* Экологическая история без мифов // Человек и природа: экологическая история / Под общ. ред. Д. Александрова, Ф.-Й. Брюггемайера, Ю. Лайус. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Алетейя, 2008. С. 132–160.
- Горяшко А.* История российских заповедников // Газета «Биология». 2000. № 40.
- Ласуков Р. Ю.* Общественные экологические организации // Газета «Биология». 2000. № 35, 36, 37, 39, 40, 42, 44, 45, 47; 2001. № 3, 4.
- Обнаженные активистки РЕТА* в центре Москвы // <http://www.etoday.ru/2008/11/peta-moscow.php>.
- Павлова Т. Н.* Биоэтика в высшей школе. М.: МГАВМиБ им. К. И. Скрябина, 1997.

Павлова Т. Н. Биоэтика в школе. Часть 2. Их таинственный мир. (Материалы для 7–8 классов). М: МГАВМиБ им. К. И. Скрябина, 1998.

РЕТА устроила пикет у посольства Канады в Москве (15.03.2010) // <http://fotoden.info/gallery/1072/>.

15 марта – акция РЕТА в Москве в защиту гренландского тюленя (11.03.2010) // <http://www.vita.org.ru/forum/viewtopic.php?f=25&t=2531>.

Тищенко П. Д. История и теория этической регуляции биомедицинских исследований // Аналитические материалы по проекту «Анализ нормативно-правовой базы в области прав человека в контексте биомедицинских исследований и выработка рекомендаций по ее усовершенствованию» / Глав. ред. Б. Г. Юдин. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2007. С. 16–33.

Федоров А. В., Степаненко В. С., Фролов А. Н. Российское природоохранное движение 2007 (крупнейшие экологические объединения России межрегионального уровня). М.: Российский социально-экологический союз: Союз общественных экологических организаций: Институт развития, 2007.

Фронт освобождения животных. 5 лет в России (2005) // <http://www.a-read.narod.ru/alf.pdf>.

Этическая экспертиза биомедицинских исследований: Практические рекомендации / Под ред. Ю. Б. Белоусова. М.: Общество клинических исследователей, 2005.

Act to Prevent the Cruel and Improper Treatment of Cattle, 22d July 1822 // Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, 3 George IV, 1822. L.: Printed by His Majesty's Statute and Law Printers, 1822. P. 403–405.

Adams C. J. Neither Man nor Beast: Feminism and the Defense of Animals. N. Y.: The Continuum Publishing Company, 1995.

Armstrong E. A., Bernstein M. Culture, Power, and Institutions: A Multi-Institutional Politics Approach to Social Movements // *Sociological Theory*. 2008. Vol. 26. № 1. P. 74–99.

The ASPCA Has Spent More Than 140 Years Protecting Our Nation's Equines // ASPCA Action. 2009. Winter. P. 1–4.

Benford R. D., Snow D. A. Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 611–639.

Bernard Shaw G. Dogs' Protection Bill. L.: National Publishing Company Limited, 1919.

Bronner S. J. Contesting Tradition: The Deep Play and Protest of Pigeon Shoots // *Journal of American Folklore*. 2005. Vol. 118. № 470. P. 409–452.

Deckha M. Disturbing Images: Peta and the Feminist Ethics of Animal Advocacy // *Ethics & the Environment*. 2008. Vol. 13. № 2. P. 35–76.

Emel J., Wolch J. Witnessing the Animal Moment // J. Wolch, J. Emel (eds). *Animal Geographies: Place, Politics, and Identity in the Nature-Culture Borderlands*. L.: Verso, 1998. P. 1–23.

French R. D. Antivivisection and Medical Science in Victorian Society. Princeton: Princeton University Press, 1975.

Haraway D. J. Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. N. Y.: Routledge, 1991.

Hays J. N. The Burdens of Disease: Epidemics and the Human Response in Western History. New Brunswick: Rutgers University Press, 2000.

- Ito T.* Between Ideals, Realities, and Popular Perceptions: An Analysis of the Multifaceted Nature of London Zoo, 1828–1848 // *Society & Animals*. 2006. Vol. 14. № 2. P. 159–178.
- Jasper J.* The Art of Moral Protest: Culture, Biography, and Creativity in Social Movements. Chicago: University of Chicago Press, 1997.
- Judd R.* The Politics of Beef: Animal Advocacy and the Koscher Butchering Debates in Germany // *Jewish Social Studies*. 2003. Vol. 10. № 1. P. 117–150.
- Kean H.* An Exploration of the Sculptures of Greyfriars Bobby, Edinburgh, Scotland, and the Brown Dog, Battersea, South London, England // *Society & Animals*. 2003. Vol. 11. № 4. P. 353–373.
- Kornhauser W.* The Politics of Mass Society. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1959.
- Kruse C. R.* Gender, Views of Nature, and Support for Animal Rights // *Society and Animals*. 1999. Vol. 7. № 3. P. 179–198.
- Lansbury C.* Gynaecology, Pornography and the Antivivisection Movement // *Victorian Studies*. 1985a. Vol. 28. № 3. P. 413–437.
- Lansbury C.* The Old Brown Dog: Women, Workers and Vivisection in Edwardian England. Madison: University of Wisconsin Press, 1985b.
- Lesch J. E.* Science and Medicine in France: The Emergence of Experimental Physiology, 1790–1855. Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 1984.
- Mann K.* From Dusk 'til Dawn: An Insider's View of the Growth of the Animal Liberation Movement. L.: Puppy Pincher Press, 2007.
- Mason P.* The Brown Dog Affair: The Story of a Monument that Divided a Nation. L.: Two Sevens Publishing, 1997.
- Mayer J.* The Expression of the Emotions in Man and Laboratory Animals // *Victorian Studies*. 2008. Vol. 50. № 3. P. 399–417.
- Melucci A.* Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society. Philadelphia: Temple University Press, 1989.
- Mitchell S.* Frances Power Cobbe: Victorian Journalist, Feminist, Reformer. Charlottesville: University of Virginia Press, 2004.
- Munro L.* Framing Cruelty: The Construction of Duck Shooting as a Social Problem // *Society and Animals*. 1999. Vol. 5. № 2. P. 137–154.
- Munro L.* The Animal Activism of Henry Spira (1927–1998) // *Society and Animals*. 2002. Vol. 10. № 2. P. 173–191.
- Newkirk I.* Free the Animals!: The Amazing Story of the Animal Liberation Front. Chicago: Noble Press, 1992.
- Parascandola J.* Physiology, Propaganda, and Pound Animals: Medical Research and Animal Welfare in Mid-Twentieth Century America // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 2007. Vol. 62. № 3. P. 277–315.
- Phillips M. T.* Savages, Drunks, and Lab Animals: The Researcher's Perception of Pain // *Society and Animals*. 1993. Vol. 1. № 1. P. 61–81.
- Pickstone J. V.* Dearth, Dirt and Fever Epidemics: Rewriting the History of British 'Public Health', 1780–1850 // Ranger T., Slack P. (eds). *Epidemics and Ideas: Essays on the Historical Perception of Pestilence*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 125–148.
- Rowan A. N.* Of Mice, Models and Man. A Critical Evaluation of Animal Research. N. Y.: New York Press, 1984.

- Regan T.* The Case for Animal Rights. Berkeley: University of California Press, 2004.
- Rupke N. A.* Vivisection in Historical Perspective. N. Y.: Routledge, 1990.
- Russel W. M. S., Burch R. L.* The Principles of Humane Experimental Technique. Special Ed. Potters Bar: Universities Federation for Animal Welfare, 1992.
- Ryder R. D.* Victims of Science: The Use of Animals in Research. L.: Davis-Poynter, 1975.
- Ryder R. D.* Animal Revolution: Changing Attitudes Toward Speciesism. L.: Berg Publishers, 2000.
- Singer P.* Animal Liberation. N. Y.: Harper Collins, 2001.
- Singer P.* (Ed.). In Defense Animals: The Second Wave. Oxford: Blackwell, 2006.
- Smelser N.* Theory of Collective Behavior. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1963.
- Stevenson L. G.* Science down the Drain: On the Hostility of Certain Sanitarians to Animal Experimentation, Bacteriology and Immunology // Bulletin of the History of Medicine. 1955. Vol. 29. № 1. P. 1–26.
- Symons J.* Animal Rights and the Politics of Literary Representations. N. Y.: Palgrave, 2002.
- Tarrow S.* Power in Movement: Collective Action, Social Movements and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Tilly C.* Social Movements, 1768–2004. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2004.
- Touraine A.* The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. N. Y.: Random House, 1971.
- Turner J.* Reckoning with the Beast. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1980.
- Melina V., Davis B.* Becoming Vegetarian: The Complete Guide to Adopting a Healthy Vegetarian Diet. N. Y.: Wiley, 2003.
- Monamy V.* Animal Experimentation: A Guide to the Issues. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Von Holstein P.* Protection of Animals by Means of International Law. With Special Reference to the Convention for the Protection of Animals during International Transport // The International and Comparative Law Quarterly. 1969. Vol. 18. № 3. P. 771–775.
- Weindling P.* Epidemics and Genocide in Eastern Europe, 1890–1945. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Марина Андреевна Боровик
аспирантка кафедры социальной антропологии и социальной работы
Саратовского государственного технического университета
электронная почта: marina_borovik@list.ru

Дмитрий Викторович Михель
д-р филос. наук, профессор кафедры социальной антропологии и социальной
работы Саратовского государственного технического университета
электронная почта: dmitrymikhel@mail.ru
